

История философии во Франции как самоидентификация французской философии

Рецензия на книгу А.А. Кротова «Философия истории философии во Франции»

Текст Анны Костиковой

Иллюстрация Марии Сырысейвой

Вопрос о национальных философиях или специфике национального способа философствования время от времени становится ключевым как в философском образовании, так и в профессиональных исследованиях. Выделяется не только специфика круга приоритетных вопросов, способы аргументации, стиль философских рассуждений, но и понимание предмета самой философии. В этом понимании один из важнейших аспектов — отношение к истории философии. Традиционно каждая философская концепция определялась по отношению к другим, как правило, характеризуя свое принципиальное отличие и в определении предмета философии, и в понимании ее метода, и в общей классификации существующих и значимых философских позиций. Именно так появились редкие в самой истории философии, но столь же важные как

для истории философии как таковой, как и для понимания сути концепции конкретного автора, историко-философские системы Гегеля или Brentano. Столь же показательным принципиальное отсутствие интереса к истории философии, которое демонстрирует аналитическая традиция в целом, а наиболее радикально — пожалуй, Уильямсон. Здесь следует по крайней мере обозначить важную роль вопросов о наличии исторического сознания философии и функциях философской памяти.

Так называемая западноевропейская философская традиция и, можно сказать, европейское понимание образованности выстраивается исторически — и прежде всего историко-философски. И франкоязычная философия здесь выступает наиболее последовательной правопреемницей классической университетской

философии. Тем интереснее попытаться реконструировать исторически поле такого национального интереса. Монография Артёма Александровича Кротова «Философия истории философии во Франции»¹ посвящена изучению закономерностей в развитии французской интеллектуальной культуры через призму понимания истории философии во Франции — историками, историками философии и философами.

Для Франции это вопрос не только собственно историко-философский, это вопрос национальной самоидентификации. Франция — это прежде всего французские интеллектуалы: философы, философствующие литераторы, политики и историки. По сути дела, в фокус внимания монографии попадают и размышления о национальной самобытности Франции, и исследования французских историков философии.

Для французской мысли в целом — с момента первых франкоязычных произведений Р. Декарта — характерно внимание к ходу самой мысли, способам аргументации, стилю изложения. Глубокий знаток картезианства, Артём Александрович представляет широкое панно обращения к истории философии во франкоязычной литературе — с самого начала, с «классического века», до новейших интерпретаций новейшего тысячелетия — с учетом тех самоописаний, которые предлагаются интеллектуалами.

Для самих французов это самостоятельный предмет интереса и задача реконструкции, как, например, для исследования о французских интеллектуалах Жака Жюйара и Мишеля Винока: «На первый взгляд, сегодня, кажется, что определенный ценностями образцового дрейфусара образ интеллектуала, интеллектуала с большой буквы, распадается на безликое многообразие. Но духовная функция в широком смысле этого слова, которую взяли на себя интеллектуалы, остается необходимой составляющей каждого общества. Начиная с тех, из Средневековья, которых красочно описал Жак Ле Гофф, и до тех, из нашего конца века, все они

находятся в вечном движении. Наше желание ухватить их в их динамике биографий, тысяч мест и споров, как нам кажется, соответствует динамике самой интеллектуальной жизни» [Pascal, Prochasson 2002, 23]. В монографии А.А. Кротова — не только классическая хронология, но и обозначение так называемых реперных точек развития исторического сознания философии. В каждой эпохе — свои достижения, представленные конкретными именами, отобранные автором. Разумеется, невозможно кратко представить детализированный материал по каждой фигуре — можно лишь обозначить концептуальную схему, отчетливо сформулированную автором в композиционном устройстве монографии: Век Просвещения — это движение от первого систематизирующего интереса Деланда через аналитическую типологию систем Кондильяка к энциклопедическому проекту Дидро; XIX век — от первой сравнительной философии Дежерандо и «новой антропологии» Мен де Бирана к спиритуализму Жюане и психологизму Жюфруа; современные интерпретации, представляющие и Бергсона, и Сартра, и Жильсона, и Делёза, включают и тех авторов, которые обычно рассматриваются как собственно историки философии — Геру, Гуйе, Алкье...

Здесь следует особо отметить то пристальное внимание, которое уделено методологии историко-философских исследований. Как пишет А.А. Кротов, «очевидно, что любая философская позиция, независимо от формы ее выражения, прямо или косвенно соотносится с предшествующей традицией, предполагает то или иное к ней отношение. Оно может быть подробно и обстоятельно развернуто, также как представлено полунаметом. Но в любом случае его присутствие несомненно, как неоспорима сама связь между оценками систем прошлого и определенными методологическими установками, находящими свое отражение и в "логическом", и в историческом аспектах» (с. 419). Действительно, именно французы с их особым интересом к процедуре философствования, создали разные методологии работы с историко-философскими текстами, их интерпретациями и постановкой задач философии: насколько важен исторический контекст, насколько

1. Кротов А. А. Философия истории философии во Франции (проблема закономерностей в развитии интеллектуальной культуры). М.: Издательство Московского университета, 2018.

он универсален, каковы ограничения для сравнения различных школ и концептов и т.п. А.А. Кротов выделяет среди актуальных подходы Рикёра, Нефа, Вормса, Обенка. Как солидаризируется А.А. Кротов с Обенком, есть пять основных методологических вопросов, от решения которых зависит специфика историко-философского исследования: единственность смысла философского текста, его историчность, лингвистический анализ, статус философских высказываний и контекст философской концепции (с. 442–445). Однако, как нам кажется, А.А. Кротов симпатизирует и «хронологической» концепции Вормса (с. 457–458) и его идее «моментов»: «сама незавершенность, принципиальная проблематичность настоящего побуждает исследователей обращаться к поискам механизмов появления новых подходов и идей, в ходе которых нередко подвергаются корректировке представления о природе философии как таковой» (с. 462). Для французских философов рубежа тысячелетий тема истории философии — одна из важнейших. В 2001 году выходит коллективное исследование «Как писать историю философии» [Zarka 2001], в котором фактически речь идет не об истории философии как таковой, а о методологии интерпретации современной философии.

Французские исследователи и сами отмечают тенденцию последних десятилетий в публикациях, посвященных истории французской мысли: «...исследование в области социальных наук в течение последних двадцати лет медленно смещались от изучения анонимных масс, творящих историю к изучению элит различных уровней, которые представлены вполне зримо» [Juillard, Winock 2002, 18]. Такая прозорливая оценка биографических и хронологических реконструкций подчеркивает их исследовательский эффект и дает таким образом направление и обоснование для дальнейших масштабных историко-философских реконструкций.

Библиография

1. Juillard, Winock 2002 — Juillard J., Winock M. Introduction // Juillard J., Winock M. (Éds.) Dictionnaire des intellectuels français. Les personnes. Les lieux. Les moments. Éd. du Seuil, 2002. P. 11–18;
2. Pascal, Prochasson 2002 — Pascal B., Prochasson C. Pour un bon usage // Juillard J., Winock M. (Éds.) Dictionnaire des intellectuels français. Les personnes. Les lieux. Les moments. Éd. du Seuil, 2002. P. 19–24;
3. Zarka 2001 — Zarka Y. Ch. Comment écrire l'histoire de la philosophie? Paris: PUF, 2001.

